
СПЕКТР ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ПЕРЕЖИВАНИЙ

И.О. Чугунова

ЛИКИ НЕНАВИСТИ: ФИЛОСОФСКО- АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Аннотация. Предметом исследования является ненависть как философско-антропологический феномен. Ненависть рассматривается автором как неустранимая черта человеческой природы, многоплановое и особое явление, несводимое к агрессии, гневу, враждебности или отвращению. Автор прослеживает историко-антропологические истоки ненависти, анализирует её аффективную и ценностную стороны, раскрывает бессознательные механизмы явления. Затрагиваются парадоксальные связи ненависти с состояниями любви и удовольствия. Рассматривая ненависть в феноменологическом многообразии, автор выделяет две её ипостаси: разрушительную и созидательную, проводит различие между ненавистью-рессентиментом и ненавистью-экзистенциалом.

Исследование опирается на философско-антропологическую методологию, теоретические посылки психоанализа, ницшеанское учение о морали и о рессентименте.

Новизна исследования состоит в обращении к пока малоизученному феномену ненависти, рассмотрении его как неустранимой черты человеческой природы, в обращении к скрытым сторонам и парадоксам этого явления. Автор развивает апологию экзистентной ненависти и формулирует выводы о разрушительной силе рессентиментной ненависти, её опасности для человеческого духа.

Ключевые слова: философская антропология, ненависть, мизантропология, рессентимент, враждебность, гнев, амбивалентность чувств, экзистенциал, бессознательное, психоанализ.

Review. The object of the research is hate as a philosophical and anthropological phenomenon. Hate is considered as an obligatory and irremovable trait of human nature, multi-aspect and specific phenomenon that is unequal to aggression, anger, hostility or disgust. The author researches historical and anthropological sources of hate, analyses its affective and axiological aspects, discovers unconscious mechanism of this phenomenon, and examines the paradoxical connection between hate and love, hate and pleasure. The author shows the difference between two side of hate – destructive and constructive, describes cases when there is an excuse for hate (when it helps to struggle or survive) and emphasizes that hate is devastating for human spirit.

Keywords: emotional ambivalence, anger, hostility, resentment, misanthropology, hate, philosophical anthropology, existentia, unconsciousness, psychoanalysis.

Ненависть как предмет человекознания

Ненависть – особая нота в гамме человеческих чувств. Порицаемая моралью, изгоняемая в тень, эта тайная страсть во все времена сопровождала человеческую жизнь. Признавая это или нет, каждый индивид имеет опыт ненависти. Тихо тлеющая или мощно захлестывающая, она способна властвовать над людьми, определяя ход их мыслей и поступков. Для отдельного человека это бремя, для человечества – бедствие. Становясь во главу массовых настроений, ненависть вершит социаль-

ные перевороты, уносит миллионы жизней, творит историю. Она выступает и как слепая стихия, и как тонкий, расчётливо подобранный инструмент: в угоду политическим амбициям ненависть сталкивает друг с другом народы, побуждая участвовать в заранее сконструированных конфликтах. Ею полнится мир: где есть общество, там есть и ненависть.

Но откуда возникает этот аффект? Каким образом людской род с его идеалами гуманизма вновь и вновь переживает это слепое наваждение? Подобные вопросы издавна преследуют человечество, оглядывающееся в своё кровопролитное прошлое.

Удивительно, что при всём этом человековедческая традиция обращения к теме ненависти не так уж богата, хотя и насчитывает уже более двух тысячелетий. Отдельные суждения об этом чувстве мы встречаем в трудах Эмпедокла, Сенеки и Аристотеля, затем – Т. Гоббса, Б. Спинозы, И. Канта, Г. Зиммеля и некоторых других великих философов. Отдельно стоит упомянуть Ф. Ницше и его особую мизантропологическую доктрину: пожалуй, это один из исключительных примеров, где ненависть выступает как самостоятельный предмет исследования.

В XX в. тема негативных человеческих страстей окончательно вырвалась из своего подполья. После Ницше и экзистенциальных философов, а также после переворота в философско-антропологической мысли, произведенного психоанализом, идея «тёмных» сторон природы человека стала обсуждаться со всей открытостью. Э. Фромм [1] и К. Лоренц [2] решительно привлекли внимание к человеческой деструктивности. Гуманитарные науки всё больше стали говорить об агрессии, враждебности, нетерпимости. Однако под своим истинным тема ненависти именем отчётливо зазвучала в широких гуманитарных кругах, пожалуй, лишь на рубеже XX-XXI столетий. В 2001 г. стал издаваться первый междисциплинарный журнал по ненависти «Journal of Hate Studies» в университете Гонзага (США) [3], появились сборники и специальные труды, посвященные исследованию ненависти [4; 5; 6]. И этот поворот к рефлексии феномена ненависти как самостоятельного предмета человекознания мыслится как важный и неизбежный: без темы ненависти понимание человеческой природы остается невосполненным. Не случайно Ф. Ницше объявил ненависть одним из немногих «господствующих» человеческих аффектов [7, с. 312] и посвятил ненависти многие плодотворные размышления.

Сегодняшняя философско-антропологическая мысль глубоко проникнута идеей «переоткрытия человека» в духе мизантропологии: «зло в человеке глубже, чем казалось» [8, с. 34]. И феномен ненависти здесь являет собой одну из ключевых тем.

Homo homini lupus est

Архаичное для социума деление на своих и чужих, союзников и врагов, на «мы» и «они» составляло основу общественных отношений на протяжении всей человеческой истории. Становление этносов, культур, государств шло с опорой на выделение «своей» идентичности, строящейся на противопоставлении себя по отношению ко всему «чужому».

Драматическая оппозиция «мы-они» уходит корнями в древние пласты социальной мысли и продолжает волновать мыслящие умы и сегодня. Традиция её изучения необъятна. Здесь мы коснёмся лишь нескольких примеров.

Одно из первых свидетельств отмежевания «своих» от «чужих» мы находим уже в ранне-античных литературных источниках. Этнокультурная идентичность эллинов формировалась благодаря противопоставлению себя «варварам» – народам, враждовавшим с ними: скифам, фракийцам и, особенно, персам. Имя «варвар» в конце концов распространилось на любых «не греков». Примечательно, что высокомерная неприязнь эллинов к варварам подпитывалась не столько пониманием разницы в уровнях социального и культурного развития, сколько культурной и языковой инаковостью. Стереотип варвара, окончательно сложившийся в ходе греко-персидских войн, в итоге обрёл сугубо ненавистническую окраску: варвар стал «воплощением трусости, коварства, жестокости, вероломства и ненависти к грекам» [9].

Тема естественной вражды к другому ставилась и скептическими моралистами Нового Времени, начиная с Т. Гоббса. Гоббс считал состояние вражды первоначальным для человека, свойственным ему от природы [10]. Он писал, что эгоизм, соперничество, зависть к успехам и богатству других приводят «к раздорам, вражде и войне, ибо каждый соперник идет к достижению своего желания путем убийства, подчинения, вытеснения или отталкивания другого» [10, с. 69]. Именно такое исходное положение вещей, по Гоббсу, делают неизбежным коллективное договорное решение о создании государства – гаранта безопасности людей. Человек действует в прагматических интересах выживания, однако за разумными решениями прячется вражда и бушует ненависть.

Г. Зиммель, хотя и мыслил в данном вопросе несколько шире и настаивал на том, что человеку одинаково присущи и сострадание к ближнему, и антипатия, всё же также делал акцент на изначальном отмежевании человека от других. По его мнению, такая оппозиция имеет фундаментальный характер: «личность, даже и не подвергаясь нападению, лишь реагируя на самовыражения других, не способна утверждать себя иначе, как через оппозицию, что первый инстинкт, при помощи которого она себя утверждает, есть отрицание другого» [11, с. 501]. Зиммель также подчеркивал тот известный этнографам

факт, что у наиболее ранних примитивных групп не было никаких иных связей друг с другом, кроме войны. Ненависть была отправной точкой в ощущении и познании людьми любых незнакомцев.

В трудах известного советского исследователя антропо- и социогенеза Б.Ф. Поршнева идея человеческого противостояния выражена с особой остротой [12]. Ещё в сообществах первобытных людей имела место жестокая, кровавая борьба подвидов гоминид – хищников и их жертв. «Лидерами» такого антагонизма становились агрессивные, эгоцентричные особи. К ним примыкали и «суггесторы», также нападавшие на жертв, но в основном средствами психологического давления. Жертвы же нападения и суггестии, не будучи агрессорами, были вынуждены вырабатывать иные, неагрессивные способы выживания в условиях постоянной травли. При этом эмоциональным фундаментом для выработки защитных и контргуссестивных стратегий поведения служило крайнее недоверие, стойкая ненависть и хитроумная предусмотрительность по отношению к врагам. По мнению Поршнева, чувство «мы» возникло позже, чем «они»: как производное от размежевания и вражды. В ходе дальнейшей истории принцип «мы» и «они» не только сохранился, но и стал ключевой основой всех человеческих отношений [13].

Зиммель дополняет и ещё более драматизирует картину социального антагонизма. Он пишет, что человек видит врага не только и даже не столько среди чужаков, изначально инаковых ему самому: самые страстные и радикальные формы ненависти принимает между «своими», равными друг другу, изначально включенными в единую социальную связь [11, с. 504].

Драматургия близких отношений сложна и парадоксальна. Человеческие отношения сотканы из тесных контактов и неизбежных конфликтов, и ненависть вспыхивает между людьми с поразительной легкостью. По словам А. де Сент-Экзюпери, «заставь их [людей] строить башню, и они почувствуют себя братьями. Но если хочешь увидеть их ненависть, брось им маковое зерно» [14, с. 12]. Зёрна раздора разбросаны повсюду: в этом и состоит сложность и многообразие человеческой жизни.

Постигая природу ненависти...

Постигнуть природу ненависти – значит проникнуть в тайны устройства человеческой души. Феномен ненависти глубок и многослоен. Но чаще всего

ненависть называют чувством. И это справедливо, когда мы говорим о *переживании* ненависти – о её чувственной стороне. Однако исследуя целостную «анатомию» явления, мы вынуждены выйти за рамки исключительно эмоциональной феноменологии. Ошибочно приравнивать ненависть к гневу, ярости или другим отдельно взятым эмоциям, хотя, разумеется, аффективная сторона этого сложного переживания может включать в себя и гнев, и ярость, и другие эмоциональные составляющие.

Ненависть несводима и к агрессии, хотя тема агрессии и является необычайно ёмкой и многоплановой. Само понятие «агрессия» включает в себя поведение и связанные с ним установки, побуждения, импульсы [15], а сопутствующие чувства и переживания, в том числе и переживание ненависти, – это не сама агрессия, а её детерминанты.

Отметим также, что ненависть не тождественна и враждебности, уже рассмотренной в статье: последняя имеет более узкую коннотацию, указывая на социальный, межличностный аспект явления. Безусловно, тема отношений, противопоставления «Я-Другой» имеет прямое отношение к исследованию феномена. Ненависть всегда адресна, она всегда – отношение, обращение к Другому, «иному», порой чуждому и потому отвергаемому. И мы не случайно начали рассуждение именно с этого вопроса. Однако сейчас мы перейдём от социального аспекта ненависти к более глубокому, сугубо антропологическому.

Вглядимся в глубь феномена: в самой безрасудной, кипящей ненависти всегда есть свёрнутое содержание и проникнутое остротой смысловое напряжение. А. Глюксманн, посвятивший ненависти отдельное философское исследование, пишет: «Ненависть – есть продолжение гнева посредством дискурса» [16, с. 54]. В этом определении, помимо указания на аффективный субстрат, подчеркнута содержательная составляющая ненависти, часто невидимая за ширмой аффекта.

Пожалуй, этот внутренний пласт явления не всегда принимается во внимание в расхожем употреблении политкорректного синонима «оппозиция»: ненависть не просто состояние «клинча», пусть даже и проникнутого клокочущими эмоциями, – это всегда динамичная драматургия смыслов и ценностей, это лично окрашенная борьба. Недаром в самых жарких спорах рождается отнюдь не истина, а ненависть: сталкиваются смысловые позиции – то, что является самой сердцевиной человеческой личности.

Ненависть, лишённая смыслового дискурса, – нонсенс. Примечательно, что животные, не способные к рассуждению и смыслотворчеству, не обладают и ненавистью – им доступна только агрессия: животный мир полон ею, несущей свою животворную адаптивную функцию. Однако и людской мир дышит агрессией, но в человеческом воплощении она перестаёт быть только животной реакцией, начиная существовать в пространстве человеческой культуры, в мире смыслов и ценностей. Агрессия становится не только и не столько инстинктивной, обслуживающей примитивные потребности выживания, но и надприродной, пронизанной культурным содержанием.

Раскрытие содержательной, ценностной природы ненависти мы находим у Ф. Ницше. Проводимая им решительная демаркация между двумя типами морали – «господ» и «рабов» – не что иное как различие двух способов ценностного отношения к жизни. «Аристократическое» отношение к миру, «насквозь пропитанное жизнью и страстью» [17, с. 425], – это подлинная активность, самостоятельная и волевая позиция, основанная на честности с собой, силе и жизнелюбии. «Обращенная вовнутрь», эта позиция спонтанно, свободно порождает ценности, через утверждение себя с «благодарностью», «ликованием» [17, с. 425]. Противоположный способ ценностного отношения к жизни – реакция на иные, «несобственные» ценности: это оправдание и самовозвышение себя через их отрицание и ненависть, через их нигилистически-завистливое неприятие. Это торжествующее самоопределение себя через «нет» всему «внешнему», «иному», и порождение собственной системы ценностей. Конгломерат чувств – ненависть, зависть, подозрительность, желание мстить – Ницше называет особым понятием *ressentiment*. Это сложное ненавистническое переживание глубоко ценностно, хотя реактивно и нигилистично [17, с. 424-425].

М. Шелер, столь же тонкий исследователь ценностной природы человеческих переживаний, также говорил о ценностном фундаменте ненависти: в её основе лежат «антиценности» – замещение изначальных, априорно данных человеку любви и притяжения к ценностям. Ненависть, как писал Шелер, это «восстание нашего сердца и души против нарушения порядка любви» [18, с. 369]. В контексте ценностной природы чувств здесь раскрывается ещё одна загадка ненависти – её тесная связь с любовью. По Шелеру, ненависть – это «превращенная любовь» [18, с. 369].

Множество других гуманитарных исследователей, равно как и деятелей художественной литературы, не оставили без внимания парадоксальную связь любви и ненависти, не объяснимую одной лишь линейной антонимичностью.

З. Фрейд одним из первых обратил внимание на амбивалентную направленность человеческих чувств и внутреннюю взаимосвязь аффективных противоположностей: изнанка любви смыкается с ненавистью, а в глубинах ненависти таится любовь. Впервые он увидел эту связь у пациентов, в ходе анализа их эдипова комплекса [19]. Затем, исследуя психологию примитивных народов, Фрейд уделил особое внимание происхождению чувств, только начинающих обретать социальную окантовку. Будучи ещё слабо дифференцированными, аффекты древних людей проявлялись чаще всего как амбивалентные: «скрытая в бессознательном за нежной любовью враждебность имеется во всех почти случаях сильной привязанности» [20, с. 85].

Корни любви и ненависти переплетены. Так, ненависть подданных кроется в глубинах их хотя и раболепской, но искренней любви к вождю. Этими примерами изобилует реальность тоталитарных обществ. В сталинскую эпоху особенно ярко это проявилось в едком ненавистническом дискурсе многих диссидентов, в прошлом – яростных апологетов советской власти [21].

Историко-антропологические размышления о генезисе ненависти

Говоря об истоках эволюции ненависти как сложного социального чувства, для начала редуцируем наш взгляд к простым, базовым эмоциям, таким как гнев и отвращение. Безусловно, к ненависти они имеют прямое отношение. Названные эмоции – сами по себе одни из наиболее древних, изначально соприродных человеку как выходцу из биологического мира. В животном мире они несут исключительно адаптивные и сугубо витальные функции: гнев – функцию физической самозащиты, отвращение – избегания или отвержения всего опасного и вредного [см.: 22, с. 268-277]. Безусловно, данные эмоции в их «животном» варианте лишены какой бы то ни было социальной или моральной подоплеки; они предсказуемы и разворачиваются в пределах инстинктивно заданных схем. В ходе же социализации названные эмоции оказываются вплетёнными в сложную канву межиндивидуальных отношений. Их структура усложняет-

ся и, главное, они перестают быть предзаданными, разворачиваясь теперь по неочевидному и мало предсказуемому сценарию. Кроме того, у людей появляется особая черта, которой не было в животном мире. Э. Фромм посвятил свой легендарный труд «Анатомия человеческой деструктивности» именно этой проблеме. Он показал, что, в отличие от биологического гнева животных, агрессия человека может быть изощренной и злокачественной: в человеческом репертуаре появляется жестокость, некрофилия, разрушение ради удовольствия [1]. Зло – исключительно человеческий удел.

Но наш вопрос пока остаётся открытым: как человек, обретя «вторую природу», окультуренность, стал способным питать ненависть к себе подобным? Откуда произошло в нём это «зло», питающее его «тёмные» чувства и порывы?

Мысль о том, что уже на заре человечества члены одного племени испытывали изначальные неприязненные чувства к членам другого племени, – важна, но ещё недостаточна. Возможно, мы встанем на верный путь разгадки этого вопроса, если обратимся к теме зарождения морали. З. Фрейд одним из первых указал на то, что ранние моральные чувства появляются в результате табу, накладываемого в первобытных племенах на деструктивные деяния, опасные для выживания рода, однако остающиеся для людей племени притягательными и вожделенными. Такими деяниями были, в первую очередь, инцест и убийство себе подобных [20]. Усложнение, социальные очертания первичные человеческие эмоции стали получать в ходе развития разрешений и запретов – социальных норм одобрения и порицания. Не исключено, что как раз нарушители таких запретов вызывали на себя ненависть соплеменников – и как раз потому, что позволяли себе недозволенное, табуированное. Это была именно ненависть – чувство, большее, чем гнев или примитивная агрессия и отнюдь не тождественное простому отвращению, поскольку это чувство таило в себе сложный эмоционально-отношенческий сценарий, включавший в себя и притягательное и отталкивающее одновременно. Это сочетание притяжения и отторжения – важная черта, характеризующая ненависть. Недаром, погружаясь в этот аффект, мы позволяем себе вязнуть в нём, предаёмся его растлевающей мощи. Вероятно, где-то в глубинах психики ненависть смыкается с удовольствием. По всей видимости, прав был Фрейд, много говоривший о тяге к разрушительным страстям и испытываемом при этом удовольствии.

Вспомним также и известные слова Сенеки о том, что человек «предаётся наслаждению ненавистью». Кстати, продолжая мысль, Сенека добавлял, что человек при этом «совершенно теряет чувство гротеска». И в самом деле, это «чувство гротеска», критичность к ситуации, высшая степень рефлексивности – признак рациональных состояний, удел сознания, разумности. Ненависть же – проявление скрытой страсти, стихия иррационального, до-сознательного, подспудного, ещё не обличенного в слова, в какой-либо логический дискурс. Похоже, истинный «текст» ненависти столь же древен, сколь и весь язык бессознательной психики.

Возвращаясь к вопросу о происхождении ненависти, обратимся также к интересной идее, приведенной А. Большевым в работе «Наука ненависти». С древнейших времен роль аффективных регулятивов выполняли символические обряды. Ссылаясь на работы Демоза и Дж. Фрезера, автор упоминает ряд древнейших ритуалов, проводившихся с целью «очищения от скверны» путем символического перенесения собственных грехов на «жертву-заменитель». Это могла быть как реальная жертва, на которую члены племени возлагали руки, а затем в муках убивали, так и сугубо символическая, как в случае с известным «козлом отпущения» у древних евреев, которого после совершения ритуала невредимым изгоняли в пустыню. Важно, что периодическое публичное «изгнание злых духов» сопрягалось с периодом «всеобщей распущенности», на время которого теряли силу обычные общественные запреты [21, с. 20-21]. Продолжая рассуждения автора, заметим, что подобные древние практики представляли собой эксплицированное выражение того, что в наши дни существует лишь как внутренний диапазон аффектов и сопутствующие этому «размаху» стабилизирующие защиты психики.

Ненависть – тайное зеркало бессознательного: «Я» в зеркале Другого

Ненависть обвинительна. Её конфронтационный дискурс принижает и обесценивает того, кто стал её мишенью. Однако стихия человеческих страстей глубоко иррациональна: в ней мало места для разумных рассуждений.

Исследуя тайную «логику» ненависти, обратимся к теории архетипов К. Юнга, а именно – к идее архетипа Тени. Тень – это относительно автономная часть нашей души, содержание которой не может быть принято человеком из-за несовмести-

мости с сознательными, социально одобряемыми представлениями о себе. Юнг писал, что теневое содержание воспринимается через проекцию на внешний образ. Нет человека, у которого отсутствовала бы Тень [23].

Если мы посмотрим с этих позиций на ненависть, то она может предстать перед нами в особом свете – как средоточие бессознательных проекций всего того, что мы не хотим видеть в себе. Тёмное, нежелательное, табуированное содержание нашей психики надежно вытесняется за пределы сознания. Это вынесение вовне наших фобий, тайных грехов и дефектов. Все наши изгнанные из сферы сознания несовершенства и пороки локализуются в объекте, помещенном за пределами нас самих, в некоем внешнем жертвенном образе. Однако эта спасительная возможность избежать мучительных терзаний вины и стыда зачастую оборачивается своей темной стороной – обвинительным аффектом в адрес Другого. Другой становится для нас средоточием зла и наших проблем, принося нам тем самым искомое облегчение. В этом тайном зеркале все вытесненные прегрешения видятся с поразительной отчётливостью и ясностью. Однако в образе врага нет ничего того, чего не было бы в самом ненавидящем. И ненависть указывает на эту причастность. На эту связь весьма отчетливо указывал и Фрейд, анализируя конфликтную природу человеческих аффектов: «Проекция служит разрешению конфликта чувств» [20, с. 90].

Человеческое, слишком человеческое: апология ненависти

Без ненависти трудно представить себе человеческую жизнь: она «отражает... неустрашимые черты человеческой природы» [24, с. 1550]. Однако это бремя несет тяжкие страдания, и прежде всего – самому ненавистнику. Ненависть парализует волю, затмевает и деформирует рассудок. Разрастаясь и достигая апогея, ненависть становится неодолимой: человек попадает во власть стихийных, неуправляемых сил и деструктивных желаний. Известный баптистский проповедник Мартин Лютер Кинг, чьи призывы были направлены против ненависти во всех её проявлениях, сравнивал это чувство с «нераспознанной раковой опухолью», которая «разъедает человеческую личность» [25].

Но для чего это бремя дано человеку? И не лучше ли, объявив ненависть порождением зла, одиозным дефектом человеческой души, поставить на

этом точку? Однако дело обстоит сложнее. Место ненависти в палитре людских аффектов поистине незаменимо. Без этого переживания человек не вполне является человеком: он лишается эмоциональной полноты и рельефности внутреннего мира, лишается того энергетического заряда, который может сообщить только сила, превосходящая его самого – сферу его сознания и разумности.

Уже коснувшись в данной статье темы «мы» и «они», мы увидели, как ненависть к чужакам рождает конструкт «мы», формирует то, что мы называем идентичностью. Именно ненависть работает на укрепление самосознания и чувств «мы»: она создаёт дополнительный силовой полюс, создающий широту и размах аффективных переживаний, позволяющий выстрадать своё «я», в противопоставление тому, чем это «я» не является. Социальной психологии также хорошо известен факт, что ненависть к общему противнику теснее объединяют людей, чем взаимные симпатии и совместная деятельность, что неоднократно подтверждалось и наблюдениями, и специальными экспериментами [26, с. 655-656]. Без ненависти, этой мощной скрепляющей силы, социальная сплоченность лишится присущей ей определенности.

Без ненависти также трудно себе представить и пассионарность, подвижничество, героизм. Это чувство мобилизует, концентрирует волю, сообщает энергию. Порой оно придает смысловую заостренность человеческой жизни. Казалось бы, бесспорно, что во имя таких высших чувств как любовь и сострадание, на волне альтруистических устремлений человек способен на многое. Однако он способен на ещё большее, когда им движет ненависть.

Апологетический ракурс рассмотрения этого переживания мы встречаем у Ницше, в рассуждениях о войне и воинах. Ненависть к врагу здесь предстает как возвышающее состояние, переплетенное с храбростью и мужеством, в противовес презрению и жалости. Достойный враг заслуживает именно ненависти, а не презрения. Именно в этом случае ненависть обретает очертания блага, а война видится средством самораскрытия человеческой природы и возможностью реализации ницшеанской максимы: «человек есть нечто, что должно превзойти». И тогда для нас раскрывается смысл одного из самых неочевидных философских посланий Ницше: «война и мужество совершили больше великих дел, чем любовь к ближнему».

В годы Великой отечественной войны ненависть давала людям силы и мужество. Вспомним

о ключевой победной роли, которую сыграла беспрецедентная моральная мобилизация советского народа. Рассказ Шолохова «Наука ненависти» – пронзительная тому иллюстрация, повествующая о героизме сверхволи в ответ на фашистские зверства [27, с. 3-19].

Как великое благо и как источник спасительной силы, ненависть предстаёт перед нами в пропагандистских призывах А.Н. Толстого к советскому народу, прозвучавших в начале Великой отечественной войны: «Мы должны объединиться в одной воле, в одном чувстве, в одной мысли – победить и уничтожить Гитлера [...] Для этой великой цели нужна ненависть. В ответ на вторжение Гитлера в нашу страну – ненависть, в ответ на бомбардировки Москвы – ненависть. Сильная, прочная, смелая ненависть... Не черная, которая разрушает душу, но светлая, священная ненависть, которая объединяет и возвышает, которая родит героев нашего фронта и утраивает силы у работников тыла» [28].

Если воспользоваться терминологией экзистенциальной философии, любая война – пограничная ситуация для человека: она ставит его перед лицом глубинных основ его существования, он остаётся один на один с ценностью жизни, страхом смерти, любовью к родине и близким... Пожалуй, в этот ряд можно поместить и ненависть: не «черную», разрушающую душу, а «светлую, священную», говоря словами А.Н. Толстого. Ту ненависть, которая усиливает и укрепляет всё самое святое в человеке.

Ненависть экзистенциальная и ненависть-рессентимент

Итак, будучи выражением святых идеалов, ненависть становится праведной, Ненавистью с большой буквы. И только тогда возможны великие подвиги и эпохальные исторические свершения. Это ненависть-экзистенциал, ненависть-правда, пронизанная смысловыми, ценностными переживаниями особой остроты.

Я вспоминаю как мой дед, ныне уже давно покойный, героически сражавшийся в Великую Отечественную и убивший около десяти фашистских солдат, о такой ненависти больше молчал. На все попытки расспросить его о чувствах к врагу, он, отмахиваясь, отвечал: «Причём тут ненависть?! Война – грязное дело. Мы остервенело убивали этих ребят, превозмогая ужас и глотая слёзы». Его слова были лишены пафоса, а ненависть – прямоты. Она была особая, занавешенная глухой, неизбежной

скорбью... Зато когда дед одним из первых вышел из членства КПСС в самом начале горбачевской «оттепели», он был переполнен иной ненавистью – клокочущей и пламенной, придающей решимость и расставляющей точки над «i». Ненависть разнолика... Но ненависть экзистенциальную не спутаешь ни с чем: это ненависть-позиция, та самая «ярость благородная», ненависть-поступок, совершаемый во имя святого, во имя правды и справедливости.

В дни сегодняшние, когда ненависть, казалось бы, захлестнула мир, происходит нечто парадоксальное: наши чувства будто вовсе утратили экзистенциальный трепет. Одни, равнодушно взирая на «театр» событий национального и мирового масштаба, захлебываются ненавистью лишь по мелочам и утопают в мелких бытовых дрязгах. Другие, кто, напротив, эмоционально втянут в геополитические баталии, подчас заняты в основном одним известным вопросом – «кто виноват». Однако обвинительная риторика часто балансирует на грани логики, легко уходя в тотальные, преувеличенные обличения, превращающие виновника в идол мирового зла.

Ещё раз вспомним ницшеанский рессентимент, уже упоминавшийся в статье. В противовес экзистенциальным, высшим переживаниям, ненависть низменная, в её рессентиментном воплощении, согласно Ницше, несёт человеку вырождение и гибель. Выражающийся в состоянии реактивно-ненавистническом, завистливо отвергающем всё иное и сильное, он знаменует упадок воли, немощь, деградацию устремлений. Ненависть здесь предстаёт перед нами как предел нравственного заблуждения. Этот тот «тёмный» полюс ненависти, где разрастается невротический обвинительный дискурс, где человеческие дефекты продолжают прятаться во внешних проекциях, а человеческая немощь консервируется в самообмане и самооправдании. Будучи уделом толпы, черни, рессентимент разросся до цивилизационных масштабов, являя собой чудовищную опасность для человеческого духа. Покуда есть толпа – горнило и рассадник рессентиментной ненависти, – продолжает разрастаться и эта разрушительная стихийная страсть.

В контексте вершинных идей Ницше о сверхчеловеке, «морали господ» – т.е. предельного раскрытия и самоутверждения человеческой природы в её высших потенциях – понятие рессентимента приобретает драматически негативную остроту. «Человек есть ещё неустановившийся животный тип» [7, с. 289], – эта одна из ключевых максим Ницше указывает на открытость горизонта чело-

веческого роста, и она находит продолжение в бескомпромиссном отвержении философом человека толпы, легкомысленного и самоуспокоенного. В этом звучит ницшеанская ненависть к ressentimentу – ко всему слабому, безвольному, лишенному смелых устремлений: его истинная, экзистентная ненависть.

Ненавидеть и тяжело, и легко одновременно. С одной стороны, ненависть для ненавистника – тяжелая ноша, ядовитое бремя, порой проклятье. Но другая, оборотная сторона ressentimentной ненависти – напротив, легкомыслие, деградация воли, жизнь во власти стихийных бессозна-

тельных сил, расслабленный самообман. Это не требующая душевных усилий, более легкая альтернатива позиции преодоления себя, честности перед собой, дерзновенности. Ведь легче быть объектом собственных бессознательных защит, жить в неведении и деструктивной игре воображения, чем идти по пути внутренних усилий, осознанности, свободы и ответственности. Но только душевный труд, воспитание силы, осознанности и ответственного отношения к миру – путь зрелой личности. Только тогда аффект ressentimentной ненависти сможет утратить над нами свою разрушительную власть.

Список литературы:

1. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994.
2. Лоренц К. Агрессия. М.: Римис, 2009.
3. Бреслав Г. Ненависть как предмет психологического исследования // Вопросы психологии. 2011. № 2.
4. Sternberg R.J., Sternberg K. The nature of hate. N.Y., 2008.
5. The psychology of hate / Sternberg R.J. (ed.). Washington, 2005.
6. Glucksmann André, Le Discours de la haine. Plon, 2004.
7. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Сочинения в 2-х тт. Т. 2. М.: Мысль, 1990.
8. Гуревич П.С. Мизантропология как метаноия // Человек. 2014. № 6.
9. Античная цивилизация и варвары / Отв. ред. Л.П. Маринович. М.: Наука, 2006.
10. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М.: Мысль, 2001.
11. Зиммель Г. Человек как враг // Зиммель Г. Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996.
12. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М.: Академический проект, 2013.
13. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1979.
14. Сент-Экзюпери А. Цитадель. М.: АСТ, 2003.
15. Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб.: Питер, 1998.
16. Глюксманн А. Философия ненависти. М.: АСТ-Транзиткнига, 2006.
17. Ницше Ф. К генеалогии морали // Ницше Ф. Сочинения в 2-х тт. Т. 2. М.: Мысль, 1990.
18. Шелер М. Ordo Amoris // Шелер М. Избранные произведения / Под ред. А.В. Денежкина. М.: Гнозис, 1994.
19. Фрейд З. Анализ фобии пятилетнего мальчика // Психоанализ детских страхов. М.: Азбука-классика, 2013.
20. Фрейд З. Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии. СПб.: Алетейя, 1997.
21. Большев А. Наука ненависти: очерки о конфронтационно-невротической ментальности. СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга, 2012.
22. Изард К.Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 1999.
23. Юнг К.Г. Структура психики и архетипы. М.: Академический проект, 2009.
24. Гуревич П.С. О гневе любви, о ненависти нежность // Философия и культура. 2014. № 11(83).
25. Лютер Кинг М. Верую и вижу. Сборник статей и речей. 1970. (URL: http://krotov.info/lib_sec/11_k/kin/g_00.htm).
26. Майерс Д. Социальная психология. СПб.: Питер, 2003.
27. Шолохов М. Наука ненависти. Судьба человека. М.: Современник, 1984.
28. Толстой А.Н. Я призываю к ненависти. Сборник газетных статей. М.: Госполитиздат, 1941. (URL: <http://ruslit-traumlibrary.net/book/tolstoyan-nenavist/tolstoyan-nenavist.html>).

References (transliteration):

1. Fromm E. Anatomiya chelovecheskoi destruktivnosti. M.: Respublika, 1994.
2. Lorents K. Agressiya. M.: Rimis, 2009.
3. Breslav G. Nenavist' kak predmet psikhologicheskogo issledovaniya // Voprosy psikhologii. 2011. № 2.
4. Sternberg R.J., Sternberg K. The nature of hate. N.Y., 2008.
5. The psychology of hate / Sternberg R.J. (ed.). Washington, 2005.
6. Glucksmann André, Le Discours de la haine. Plon, 2004.
7. Nitsche F. Po tu storonu dobra i zla // Nitsche F. Sochineniya v 2-kh tt. T. 2. M.: Mysl', 1990.
8. Gurevich P.S. Mizantropologiya kak metanoiya // Chelovek. 2014. № 6.
9. Antichnaya tsivilizatsiya i varvary / Отв. ред. L.P. Marinovich. M.: Nauka, 2006.

10. Gobbs T. Leviatan, ili materiya, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo. M.: Mysl', 2001.
11. Zimmel' G. Chelovek kak vrag // Zimmel' G. Izbrannoe. T. 2. Sozertsanie zhizni. M.: Yurist', 1996.
12. Porshnev B.F. O nachale chelovecheskoi istorii (problemy paleopsikhologii). M.: Akademicheskii proekt, 2013.
13. Porshnev B.F. Sotsial'naya psikhologiya i istoriya. M.: Nauka, 1979.
14. Sent-Ekzyuperi A. Tsitadel'. M.: AST, 2003.
15. Beron R., Richardson D. Agressiya. SPb: Piter, 1998.
16. Glyuksmann A. Filosofiya nenavisti. M.: AST-Tranzitkniga, 2006.
17. Nitsche F. K genealogii morali // Nitsche F. Sochineniya v 2-kh tt. T. 2. M.: Mysl', 1990.
18. Sheler M. Ordo Amoris // Sheler M. Izbrannye proizvedeniya / Pod red. A.V. Denezhkina. M.: Gnozis, 1994.
19. Freid Z. Analiz fobii pyatiletnego mal'chika // Psikhoanaliz detskikh strakhov. M.: Azbuka-klassika, 2013.
20. Freid Z. Totem i tabu. Psikhologiya pervobytnoi kul'tury i religii. SPb.: Aleteiya, 1997.
21. Bol'shev A. Nauka nenavisti: ocherki o konfrontatsionno-nevroticheskoi mental'nosti. SPb.: Soyuz pisatelei Sant-Peterburga, 2012.
22. Izard K.E. Psikhologiya emotsii. SPb.: Piter, 1999.
23. Yung K.G. Struktura psikhiki i arkhetypy. M.: Akademicheskii proekt, 2009.
24. Gurevich P.S. O gnev lyubvi, o nenavisti nezhnost' // Filosofiya i kul'tura. 2014. № 11(83).
25. Lyuter King M. Veruyu i vizhu. Sbornik statei i rechei. 1970. (URL: http://krotov.info/lib_sec/11_k/kin/g_00.htm).
26. Maiers D. Sotsial'naya psikhologiya. SPb.: Piter, 2003.
27. Sholokhov M. Nauka nenavisti. Sud'ba cheloveka. M.: Sovremennik, 1984.
28. Tolstoi A.N. Ya prizyvayu k nenavisti. Sbornik gazetnykh statei. M.: Gospolizdat, 1941. (URL: <http://ruslit.traumlibrary.net/book/tolstoyan-nenavist/tolstoyan-nenavist.html>).